

Руслан Галеев Флейта Мартина

Галеев Руслан Флейта Мартина

Руслан Галеев
Флейта Мартина

1. ХЕЛЬГА

Лишь когда последняя нота Мартина стихла, и старый касетник глухо щелкнул автостопом, Хельга позволила себе отойти от заклеенного крест на крест лентами светомаскировки (непременного атрибута всех войн) окна. Ее глаза были сухи, но Вадим знал, что не будь его сейчас в комнате, она бы плакала: тихо, в ладони, как плачут все сильные люди. Но сейчас глаза ее были сухи. Она лишь повернула глаза к Вадиму, и тот, не выдержав, отвернулся.

- Почему ты молчал столько времени? - спросила Хельга.

- Вадим пожал плечами.

- Я не был уверен, что тебе это нужно. Да ты ведь и сама никогда не спрашивала, ведь так? Ни разу за два года. С тех пор ведь два года уже:

- А теперь, выходит, можно?

- Вадим снова пожал плечами и промолчал.

Где-то за стеной гулко пробили часы.

- Одиннадцать, - прошептал Вадим, оправляя на плечах старую потрепанную шинель, - вот и остался у старого года последний час.

Хельга тихо обняла его за плечи и уткнулась лицом в грудь. Было тихо и спокойно. За окном падал снег. Его ватные хлопья уже спрятали половину окна, как раз ту, где навсегда осталась белой краской ладонь Мартина.

- А что он написал? - спросила Хельга, - помнишь, ты сказал, что на вкладыше он что-то написал для меня?

- Она протянула руку к магнитофону, но наткнулась на бронзовый подсвечник и тут же отдернула.

- Поддай пожалуйста.

- Вадим взял подкассетник, аккуратно вынул вкладыш и поднес к рукам Хельги. Чуткие, приученные к азбуке Брайля пальцы слепой пробежали по вмятинам, оставленным шариковой ручкой на глянцевой поверхности бумаги.

- Странно. Он читал мне все свои стихи, а этой строчки я не помню.

- Это не Мартин, - ответил Вадим, - это - Байрон.

- Байрон?

- Да, был один такой неизлечимый романтик.

- Как Мартин?

- Да, как Мартин.

- Давно?

- Да, давно. Задолго до этой войны.

Под окном взревел автомобильный клаксон, и Хельга, вздрогнув, отодвинулась от Вадима.

- Это Шалимов. Мне пора ехать.

- Конечно, - Вадим вздохнул, - позвонишь?

- Да, постараюсь.

- Значит - нет.

- Значит - да, но не сразу. Пойми, мне трудно встречаться с тобой, ты:

- Напоминаю о нем?

Хельга рывком открыла дверь.

- Хорошо что ты есть, Вадим. Прости, что испортила настроение на кануне праздника. С Новым годом.

А потом дверь. Вадим подошел к магнитофону, вытащил кассету и оглянулся, отыскивая взглядом подкассетник. Глаза автоматически пробежали по строчкам на вкладыше.

Fear the well,
And if forever,
Still forever
Fear the well. *

2. ОЛЬГА

Тихон устало отложил в сторону книгу и посмотрел на Ольгу. А она силилась рассмотреть в его глазах хоть ничтожную частицу того тепла, что связало их однажды, стало единственно необходимым в жизни, отменило все остальное просто потому, что все остальное не имело уже значения. Силилась и не находила. Его взгляд был холоден и равнодушен, и Ольга почувствовала, как тугая боль стальной иглой входит в ее сердце.

- Что с тобой стало, милый? Почему ты молчишь, когда я говорю?

Неужели я стала тебе совершенно безразлична?

Тихон медленно отвел глаза, а потом и вовсе отвернулся. И ей показалось, что перед ней сидит совершенно другой человек - не горячий, полный чувств и эмоций, каким она его знала и полюбила, а холодный и равнодушный, всего лишь копия того.

Брат- близнец, в которого забыли вложить душу.

- Скажи мне что-нибудь, Тихон, пожалуйста. Ну скажи, что у тебя другая. Я ведь не железо?

пойму. Ты полюбил ее? Так ведь?

- Нет, - голос Тихона был глух и бесчувственен.

"Это не может быть он, - пронеслось в голове, - это не мой Тихон. Что бы ни случилось, он бы не стал таким. Он бы просто не смог. "

А Тихон вдруг встал и, повернувшись к ней спиной, заговорил:

- Ты не понимаешь, Ольга. Ты просто не сможешь понять меня сейчас, такая, как есть. Да я бы и сам раньше не смог. Вот ты сейчас думаешь. Что это не я, что я не могу быть таким. А я не понимаю, как мог быть другим. Не понимаю, как мог быть вместе с тобою столько времени. И я тебя очень прошу, давай не будем устраивать сцен. Уходи.

И темная улица. Пустота. Где-то смеются, совсем рядом шорох шагов, - но это все пустота. Ни осталось ничего. Вся жизнь превратилась в пустую темную улицу. Все чувства слились в свербящую, сводящую с ума боль, ржавую и непрекращающуюся ни на миг.

Она не замечала, куда идет, да и какая разница, если везде - пустота.

Дома, дома, дома: Все окна горят, голоса и смех ото всюду, все ждут праздника, первого Нового года этой проклятой войны. А она: Она просто стала чужой в этом мире ожидания- она уже ни чего не ждала.

Ольга ускорила шаги, потом побежала. Куда?

Неважно, просто куда-нибудь. В пустоту, безверие, одиночество, но как можно дальше от этой лютой, холодной боли.

И бешенная гонка эта продолжалась долго, она не знала сколько именно потеряла чувство времени, - но очень долго. А потом она услышала эту музыку. Как будто луч чистого света в ее смрадном, лишенном надежды мире. Несмотря ни на что, там, среди пустоты, льда и ржавчины играла флейта. Играла так, как будто кроме этой музыки уже ничего не осталось и весь мир превратился в звуки, такие чистые, что даже на ноты их раскладывать было страшно, и такие хрупкие, что только тронь - и рассыпятся тысячью мелких хрусталиков. И тогда уж действительно не останется ничего, но это ничего будет прекрасным.

И не в силах сопротивляться силе этой музыки, Ольга пошла к ней, вытянув словно

слепая руки, беззвучно шевеля губами, не замечая ничего и никого. Она шла, и ее босые ноги кровоточили от порезов, оставляемых мелкими гранями хрусталиков, усыпавших пустой мир.

Хотя: пустой ли? Не останавливаясь, Ольга торопливо огляделась, и глаза ее расширились от удивления. Не было больше пустоты, вокруг цвели краски. Миллионы, мириады сменяющих друг - друга в безумном танце красок.

И боль стала уходить, растворяться в этой чистой, как родниковая вода музыке. Нет, конечно она не ушла совсем, такого просто не бывает. Но она уже не была тем неотвратимым ржавым жалом, которое вгрызалось в ее сердце. Боль переродилась, и стала всего лишь сладкой, щемящей грустью. Нежной, греющей памятью о том, что конечно ушло, но ведь было.

Она выбежала на совершенно незнакомую улицу и вдруг замерла. Ольга как-то сразу увидела то самое окно, засыпанное до половины мягким ватным снегом, полутемное, перетянутое белыми крестами лент, но, не смотря ни на что, какое-то совершенно не такое как все. И именно из него лилась музыка.

Ольга устало улыбнулась и села на ступени противоположного дома. Она увидела, как в том самом окне появилась молодая, отчаянно красивая девушка. Ее движения были странно неловки, словно во сне. Сне навеянном волшебной силой музыки.

3. АНТОН

А утром в город вошли танки. Их тусклый метал отливал в лучах заходящего солнца багровым, режущий тишину грохот, сливаясь с мерным шагом мышинно- серой пехоты , рвал рассветную безмятежность в клочья, заставляя нетронутый снег вминаться в асфальт. Но, черт возьми, это было красиво. Страшно красиво. Страшно и красиво. Так новый мир врвался в наше тихое провинциальное болото, и тина, рванувшая искать убежище, мерно и жалко оседала на цветущей потеками краске убогих хрущевек, на отдернутой сонной рукой шторах, на испуганных лицах.

И, кажется. где-то рядом завизжала сирена, затрещала разрываемой тканью автоматная очередь, испуганно взвизгнули выбитые стекла. Мне было страшно, но тело, как во сне, отказывалось слушаться, и я просто сидел и ждал, не в силах даже кричать. И я молчал даже когда меня схватили и потащили куда-то, вывернув руки, молчал, когда запихивали в переполненный орущей толпой "Икарус", и потом, когда нас, словно стадо, гнали на главную площадь, разбивали с помощью автоматных прикладов на равные группы, когда привязывали к столбам и стаскивали к ногам хворост. И лишь когда слепая девушка - я почему-то уже знал, что ее зовут Хельга - спросила:

- Неужели нас вот так просто и сожгут? - я как-то до дикости спокойно ответил:

- Да. Вот так и сожгут.

И тогда до меня дошло, что так и будет. Они просто плеснут на нас бензин, а потом какой-нибудь новый Папа в мышинно-сером комбинезоне прикурит сигарету и кинет еще горящую спичку нам под ноги.

И тогда я заорал. Я начал биться пытаясь вырваться, но у меня ничего не получилось, и я замер, и кажется заплакал. А потом снова забился, когда пламя коснулось ног. И было больно, ужасно больно, но я почему-то опять не мог кричать, и только мычал что-то нечленораздельное.

А слепая Хельга вдруг сказала:

- Успокойся. Веди себя, как мужчина. Смотри.

Я посмотрел сквозь огонь туда, куда указывала ее рука, и увидел среди летящих хлопьев снега светловолосого паренька. Он махнул в нашу сторону рукой, улыбнулся и вдруг поднес к губам флейту и заиграл. И стало совершенно не больно, а наоборот, тихо и хорошо. И я мог всю жизнь простоять среди этого пламени и слушать его флейту. Но слепая взяла меня за руку и сказала:

- Это Мартин. Пойдем.

Пойдем, - ответил я. И мы пошли. Просто шагнули через костер и пошли. И рядом с

нами шла незнакомая, босая девушка, ноги которой были покрыты множеством мелких порезов, но ее это кажется ничуть не смущало.

А тот, с флейтой, вдруг развернулся и пошел. И его никто не остановил. Его, кажется, вообще не замечали. А потом я понял, что и нас не замечают. Я оглянулся. Серое месиво лениво суеилось вокруг огромных столбов, подкидывая в огонь сучья и что-то крича, но на столбах никого не было. Ведь никто не хочет умирать вот так.

И потом, зачем вообще умирать, если можно просто идти и слушать, как незнакомый светловолосый паренек играет на флейте.

Примечание 1:

Прощай,

И если мы расстаемся навсегда,

То навсегда

Прощай

Байрон